

Ирина ИВАНЦОВА

г. Пушкино

Московской области

СУМКА

«Бапперфляй»

Всё тихо на светлом лице.

И роспята полночь тьма.
С немым торжеством на лице

Открываю грани стиха.
Шепчу и звеню, как струна.

То – ночные цветы – не слова.

Ух росу убелгла луна

У подножья Её торжества.

рассказ



Олег! Ну вот что это за имя? Оле-ег!

Посмотрел на себя в зеркало, напялил трикотажную шапку на голову, накинул спортивную сумку лямкой через грудь, глянул в зеркало – точно, Олег.

Прям, блин, в самом натуральном виде. И когда это успел? Когда всё это случилось? Вот щёки почти уже на плечах лежат – щёчищи, а не щёки. Подбородок каким-то лоснящимся кренделем промеж них. Животина вылез, бока повисли – ремень на брюках хрен знает где. Но держит, не даёт штанам упасть. Куртка не куртка, а так... почти плащ укороченный, как у маньяка какого. Господи! Да как же это так? А главное, когда?! Ладно, ехать надо. Некогда рассуждать о том, что да как. Всё уже так, как есть. Неизбежность.

Хлопнул дверью, подёргал – закрыта. Добавил ещё два оборота ключом – пальцы как сосиски. Не-е, не сосиски, а уже сардельки.

Да что за хрень!.. Лезет же такое в голову. Ладно. Иду. Всё норм. Нет, ну что норм-то?! Это всё имя это поганое – Олежа. Вот всю жизнь оно ему поперёк горла. Вражье какое-то имя. Сволочное.

Лифт скрипит, дрыгается в конвульсиях. Вот так вся жизнь – рывки и конвульсии. Суковство одно, а не жизнь...

– Спасибо, Ларисочка Николаевна, голу-бушка, спасибо. Вот до чего вы доктор внимательный да обходительный! Дай бог здоровья! И вам, и вашим близким, – а сама клюшки в обе руки – и к двери.

– И вам всего хорошего, Раиса Сергеевна. Не болейте.

– Спасибо, спасибо! До свидания. – И Раиса Сергеевна медленно поплыла по коридору.

Клюшки... Вот кто назвал костью клюшками? Клюшки – они для хоккея, когда – вжик: легко и стремительно носится ребятня с шайбой. Да и, правду сказать, раньше в любом дворе в хоккей играли – ор, крик, лица огненные, глаза бешеные. Раньше это раздражало: чего орут – покоя нет. А теперь это называется «ностальгия».

Вот вышла бы на балкон воздухом подышать, послушала бы визг и крик ребятни во

дворе — и вроде повеселее, вроде не одна... вроде и жизнь идёт сопричастно с другими — молодыми и задорными.

Раиса Сергеевна — гривастая, с доброй копной, едва уgomонившейся под гребёнкой, и задор внутри есть — огонь молодецкий, а тело не то: огромное, неподвижное, насидевшееся и належащееся. Ноги не слушаются, еле ворочаются, руки в воспалённых узлах суставов, но пальцы цепкие — костыли держать! Не приведи бог выпустишь, уронишь — а поднять-то кто? Сама не может, надо помощь звать. Хоть на всю улицу стой — голоса. Вот и поступь медлительная, как у зверя какого, у гада ползучего. Живот висит фартуком, ляжки вона какие... Ноги, как обрубки, как култышки деревянные стали, и ботинки ортопедические смотрятся на них резиновыми наконечниками, совсем как у клошки.

А тут в поликлинике — третий этаж; хорошо что лифт... Но пока его дождёшься, вся жизнь промелькнёт перед глазами и ноги загудят натруженным локомотивом, и боль вдоль тела скользнёт по позвоночнику и упрётся в самую шею. Старость. Вот она! Но чтобы сдать — фигу вам!

Дома на широкой кровати — телефон стационарный (редкость по нынешним временам — у всех мобильные) и книжка записная, где крупным почерком — имена, фамилии, дни рождения и, конечно же, номера. Цифры, ставшие её жизнью. Всегда всех поздравляет со всеми праздниками — и со светскими, и с церковными, с большими и малыми. И на том конце удивляются: «И как это вы всё помните, Раисочка Сергеевна? Спасибо, спасибо!» А чего ей не помнить? Что ей ещё осталось? Хорошо, что телефонная трубка такая большая и удобная, и циферблат — прозрачный круг с большими дырками — набирать удобно, говорить хорошо. Ни тебе щекой на кнопку не попадёшь, ни из руки не выронишь. Это вам не мобильный брикетик.

Юлька бежала через дорогу, едва поспевая на уже притормаживающую маршрутку. Бежала, маша рукой: мол, тормози давай. У Юлены и без того день выдался беговой, а тут ещё если и маршрутка ушмыгнёт из-под носа, то совсем досада. Вот бывает так: мелочь вроде, а расстроишься как — сил нет! И утешаешь себя,

что через пару минут будет другая, что это всё ерунда, но нет, никак, — настроение на остаток дня испорчено. Вот и бежит, и машет. Маршрутка стоит как вкопанная, а в голове подлая мысль: всё равно ушмыгнёт, вот в самую последнюю секунду ушмыгнёт, когда уже только руку протянуть, за поручень взяться, — закроет дверь, и привет всем. И стой тогда, возмущайся — не поможет.

Но маршрутка дождалась. Юлька благодарно выдохнула: «Спасибо, здравствуйте», — и протянула деньги за проезд. Водитель кивнул в ответ и сунул ей в ладонь билетик.

Несколько рядов сидений сзади были свободны, и Юлька поспешила занять удобное местечко.

Вот что это такое — удобное местечко? Ну, в детстве понятно: у большого стекла возле кабины водителя. И то не сидячее, а стоячее: обеими руками — за поручень, подбородок — на него же сверху, — и вот ты уже сам водитель, царь-государь дороги, что стелется под колёса, катит всеми деревьями, домами, людьми навстречу. Ещё у окошка хорошо было сидеть, и дети всегда ныли: «Хочу к окошку». Но все вредные тётки тоже когда-то были детьми и тоже любили подсесть к окошку — и вот тебе уже не пробиться на счастливое сиденье, чтобы прижаться лбом к стеклянному холоду.

А теперь — что? Никто не садится к окну. Во-первых, дует, тянет и вообще — запотелые капли сверху вниз. А во-вторых, все садятся с краю, чтобы другой не устроился рядом — не любят тесниться, не хотят автобусных разговоров. Люди усталые и угрюмые. Но всё равно бегут на любимое место. В маршрутке оно — переднее, справа от водителя — одиночное, к тому же много места, чтобы ноги вытянуть. Выходит, самое просторное.

Но когда оно занято, то дальше удобства зависят от близости к носу маршрутки: чем ближе — тем лучше, а то прыгаешь сзади на лежащих полицейских до химической изжоги так, что сердце замирает и дыхание перехватывает. А самые нелюбимые, на которые с тайным злорадством пропускают другого, вставая и сторонясь: иди-иди, мол, милочка, к окошечку — это сиденья на колесе, где пол дыбится горкой и ноги коленями упираются почти в самый подбородок.

Юльке выбирать не приходилось, поэтому

она, протискиваясь боком по узкому проходу маршруточного нутра, пошла в самый конец и села к окошку: а плевать, что за стеклом темно и потные капли, что за окном — ноябрьская жижа и снег с дождём; хорошо здесь, у окна, уютно. И тихо так в маршрутке, словно спят все, словно жизнь остановилась на грани какого-то предчувствия. И так одна остановка — другая — третья — четвёртая...

Пятой была поликлиника. Дверь распахнулась, и в её тёмный проём ворвался твёрдый дамский голос: «Места есть? Эй, водитель, сесть можно? А то я уже две маршрутки пропустила».

Места сзади ещё были, но с переднего, того, что сразу позади водителя, соскочил мужик и крикнул в ответ в темноту: «Идите садитесь. Сюда!»

И невидимая ещё Юльке Раиса Сергеевна заработала своими клюшками и ввалилась внутрь, тяжело падая на сиденье. За ней вошло ещё несколько пассажиров — как пишут в пьесах, «лица обоего пола», — и заняли все оставшиеся «сидячие» места.

Маршрутка захлопнула двери и покатила. Тихо так, неспешно покатила, словно была наполнена водой и боялась эту воду расплескать.

Раиса Сергеевна боком едва поместилась на сиденье, руками сдвинула пуховый платок на шею, выпростав из него свою роскошную гриву, — и засмеялась. Ну, не то чтобы так полно-весно и раскатисто, хотя с другой стороны и не так, чтобы просто хохотнула. Как-то посередине: не долго и не коротко, не звонко и не глухо, не весело, но и не грустно. И, рассмеявшись, тут же громко сказала: «А хотите, я вам стихи почитаю?»

«Давайте», — клонули от скуки и неожиданности тётки, сидевшие впереди, где-то в зоне эмоциональной досягаемости Раиссергеевниной харизмы.

И она вдруг так мощно грянула, что Юлька невольно удивилась, сколько силы кроется в этом рыхлом на вид теле.

По маршрутке понеслось:

*Вечера коротаю в печали,
Одинокую дверь затворя.
Вы людей таких ведь встречали,
Вы от них отвернулись вчера.*

*Потому что звонки надоели,
Что слышны каждый час, как сигнал,
А вам некогда, вы не хотели
Говорить с тем, кто время украл.*

*На пустые его разговоры,
Что в тоске беспринято ведут,
Вы на сердце закрыли затворы,
И в него к вам уже не придут.*

«Во как, — пронеслось в Юлькиной голове. — Интересно, кто не пройдёт?»

Но стихи оборвались. Остановка. Вошли новые пассажиры. Автобус стал постепенно набиваться плотнее. Прилив публики окрылил Раису Сергеевну, и она решительно спросила: «Вам ещё почитать? Это ведь я сама пишу».

«У нас так многие пишут», — с грустью выдохнул мужик, уступивший место Раисе Сергеевне и оказавшийся рядом с Юлькой в своём поступательном движении по маршрутке.

Но «публика» то ли от скуки, то ли из жалости, то ли от какого-то неясного куража поддержала поэта: «Читайте, читайте. А почему нет?..»

И она читает о любви и тайной страсти, о счастье и здоровье, о радости и весенних робких ручьях.

А мужик, ну тот мордастый, в трикотажной шапочке, наливаясь невнятным сначала раздражением, в очередную паузу Раисы Сергеевны перед новым приступом готовых исторгнуться рифм вдруг резанул анекдот — не к теме, не к слову, а просто так:

— Сара говорит: «Линкольн, а ты знаешь, что ты на Господа похож?»

— Знаю, — отвечает Линкольн.

— А откуда?

— А я тут сиделся в автобус, а мне тётка говорит: «Господи, ну куда вы лезете!»

И все засмеялись. И Юлька тоже. И подумала: «Молодец, мордатый».

Только Раиса Сергеевна не засмеялась, глаза прищурила. И вот ведь что удивительно — Юлька сидела сзади и видела только затылок старухи и кусочек правой щеки: и вот по этому-то затылку Юлька как-то сразу определила, что Раиса Сергеевна прищурила глаз. Чудно.

Но та глаз действительно прищурила и на

правах уже блиставшей звезды обратилась к «публике»:

– Нет, ну вы посмотрите! Мужчина меня пытается унизить!

Мужик не ответил, даже бровью не повёл. А Раиса Сергеевна продолжила:

– Ну что, читать дальше?

– Давайте, – уже как-то робко отозвался кто-то.

И она громыхнула про нежность и первые поцелуи.

Если честно, то Юлька всё ждала, что раздадутся какие-то аплодисменты. Они стали бы логической точкой в данном фарсе, но их не было. И это было для неё удивительно.

В очередную стихотворную паузу вклинился толстощёкий мужик. Видимо, от безысходности, понимая, что плотность маршрутки не позволяет ему передвинуться, обречённо склоняясь над Раисой Сергеевной, он громко прочитал прямо в чёрный ободок в её волосах:

*Всё тихо на светлом лице.
И росистая полночь тиха.
С немым торжеством на лице
Открываю грани стиха.
Шепчу и звеню, как струна.
То – ночные цветы – не слова.
Их росу убелила луна
У подножья Её торжества.*

– О! Я гений, Игорь Северянин! – блеснула иронией и эрудицией одновременно Раиса Сергеевна.

«Это не Северянин», – промелькнуло в Юлькиной голове.

– Нет. Александр Блок, – ответил мужик.

– О! – завывала ещё громче поэтесса. – Мужчина снова меня пытается унизить!

– Разве можно унизить Блоком? – спросил мужик.

Маршрутка подошла к автостанции.

– Всё, конечная, – объявил водитель.

Юлька шапкой прижалась к окну. Народ засуетился, выходя. Одним из первых выпрыгнул в ноябрьскую хмарь мужчина в вязаной шапочке.

Дальше процесс застопорился – вылезала Раиса Сергеевна. Юлька ждала, полёживая головой на окне. Все наконец вышли. Юлька – последняя. Прыгая между луж, она подумала: «А интересно, как этого мужика зовут. Вот ведь не надо это мне, незачем... а интересно». Усмехнулась сама себе.

И вдруг увидела его возле здания автостанции – он прикуривал. Высокий, грузный, с мясистым лицом, обрезанным сверху тёмной трикотажкой. Большая спортивная сумка разрезала его фигуру пополам – лямкой через грудь.

Он повернулся, и Юлька прочитала на сумке надпись на латинице «Баттерфляй».

□

Ирина Владимировна ИВАНЦОВА

родилась и живёт в г. Пушкино

Московской области.

Окончила МГОПУ им. М. Шолохова.

Филолог.

Пишет рассказы.

Дебют в «Севере».

